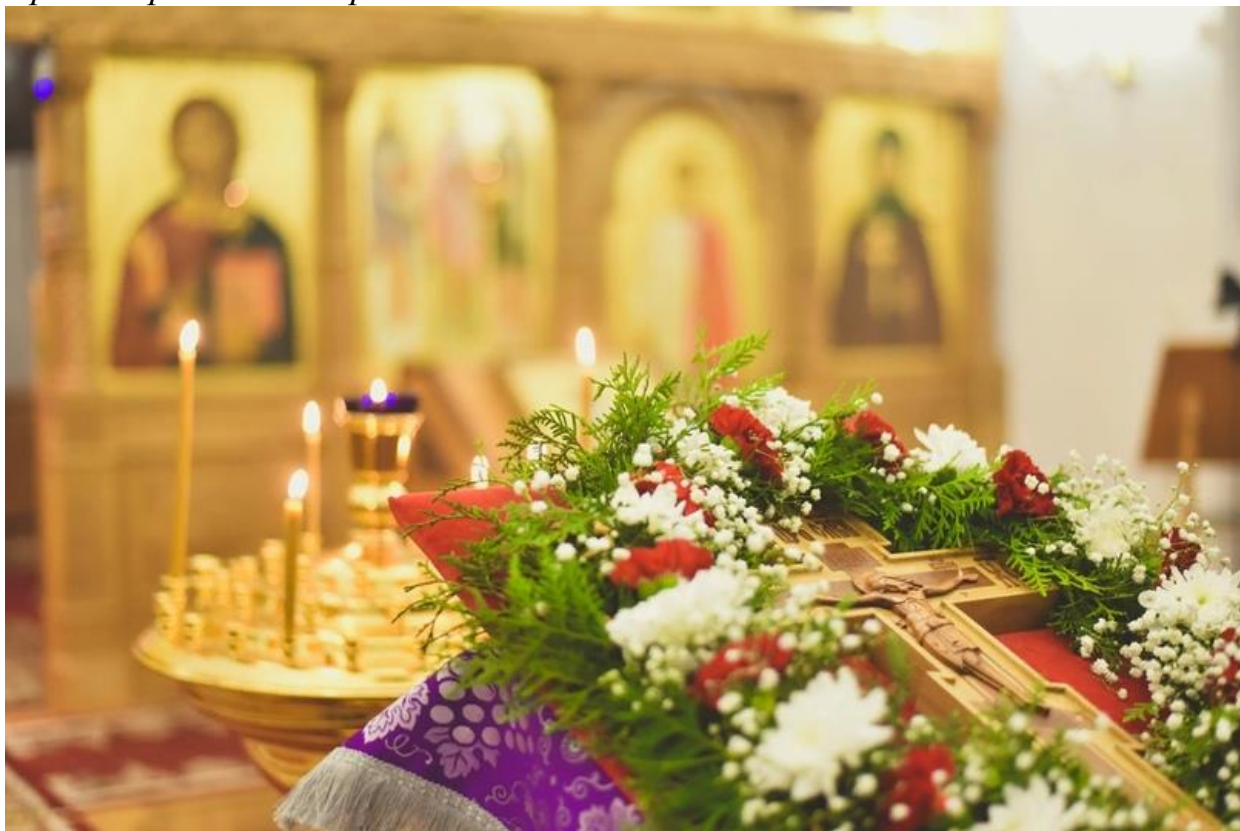

Праздник Воздвижения Креста Господня

Протоиерей Владимир БАШКИРОВ

27 сентября – праздник Воздвижения Креста Господня. Многие из вас бывали в этот день в церкви и видели умильный и торжественный обряд выноса креста и поклонения ему. Некоторых это смущает, и они говорят даже, что православная и католическая церкви поклоняются дереву, веществу (Прем. 14, 8), а значит, идолу. Они не первые. Уже в глубокой древности язычники называли христиан крестопоклонниками и думали что для христиан крест не что иное, как фетиш или идол¹.

Но сама Церковь учит совсем не так. Она — то как раз нашла разумный баланс и почитает Крест одновременно как символ страданий Господних и как изображение. Святой Димитрий Ростовский (+1709), например, так и говорит: «Не подумай, что Крест Господень есть только вещественный крест, сделанный из дерева, а понимай в нем больше всего страдания Господи, восприняв которое, Он оставил нам образ, чтобы следовать по Его стопам»²

А преподобный Симеон Новый Богослов (+1032) считает, что лучше всего смысл крестных страданий Господних можно понять, если сравнить Христа с праотцем Адамом:

«Нужно было, — писал он, — чтобы совершилось некое великое и страшное таинство, именно, чтобы пострадал Христос безгрешный и через это получил прощение Адам согрешивший. Для этого вместо древа познания был крест, вместо ступания ног, которыми прародители шли к запрещенному древу, и вместо простертия рук их, когда они брали плод древа, были пригвождены ко кресту непорочные ноги и руки Христовы, вместо вкушения плода было вкушение желчи и уксуса, и вместо смерти Адама смерть Христа»[3](#).

А другой уважаемый в христианском мире богослов, преподобный Иоанн Дамаскин поясняет, почему нужно почитать и изображение креста. Он стал жертвенником, на котором Христос принес себя в жертву за нас и освящен прикосновением святого тела и крови, и потому мы почитаем не вещество, да не будет, а изображение, как символ Христа, ибо где знамение, там и Сам Христос[4](#).

Реальность этого креста поразительна. Известный богослов протоиерей Сергей Булгаков говорит замечательные слова о важности изображения креста. Оно возводит наш ум к кресту небесному, который воссиял на земле в древе крестном, орудии нашего спасения. Этот крест светит в греховных глубинах нашего сердца, он его просвещает и согревает, потому что крест есть любовь Божия, тут ее сила и огонь, ибо любовь не может быть некрестной[5](#).

Мы видим, как благоговейно в Церкви уже с древнейших времен относились к кресту, и это делает праздник в его честь понятным и логичным.

Его появление связывают с матерью первого христианского императора Константина Великого (+337) царицей Еленой. В 326 году она приехала в Святую землю, чтобы найти место погребения Христа и крест, на котором Его распяли. Задача была не из легких. Два столетиями раньше император Адриан (+138) приказал завалить пещеру Гроба Господня и на ее месте построить храмы в честь Юпитера и Венеры. И, тем не менее, пещеру Гроба Господня нашли, а недалеко от нее обнаружили три креста, гвозди и дощечку. Крест Господень узнали по чуду. На него положили больную женщину, и она исцелилась. Рассказывают, что несколько гвоздей от креста Елена вбила в шлем царя, заботясь о голове своего сына, а другие вковала в узду его коня. Часть животворящего древа креста она послала ему, а остальная большая часть была оставлена в Иерусалиме[6](#).

Над пещерой Гроба Господня затем соорудили великолепную Церковь, которую и освятили 14/27 сентября 335 года. Народа собралось такое множество, что тогдашнему архиепископу Макарию (+333) пришлось поднимать или «воздвигать» крест над головами молящихся. От этого поднятия или «воздвижения» и получил свое название праздник.

Поднятие креста и осенение им верующих всегда было самым важным элементом в богослужебном строе этого древнейшего христианского праздника. Сохранилось описание воздвижения креста в так называемом Синайском Канонаре 10-го века. Посмотрите, как эмоционально в этом богослужении участвовал народ:

«Архиепископ творит трижды коленапреклонение. И, стоя к востоку, знаменует трижды крестом, молча и творя первое воздвижение. Диакон начинает петь с народом трижды, а затем еще 22 раза протяжно и просительно. Народ же кричит другие 25 раз Господи, помилуй. А когда архиерей будет опускать крест с высоты, народ исполняет другие 25 раз, крича : Господи, помилуй . Второе воздвижение бывает к югу, третье к западу, а четвертое к северу. И 50 раз вопит народ: Господи, помилуй»⁷.

Нынешний обряд воздвижения креста мало, чем отличается от описанного. Правда, раньше его мог производить любой священник. В поучении русскому духовенству митрополита Киприана (+1406) так и говорится: «Во всякой церкви, где христиане живут, крест воздвигают, хотя бы был всего один поп, на славу честнаго и животворящего креста»⁸. Теперь же, как правило, его совершает епископ в кафедральном соборе, и «Господи, помилуй» поет уже не народ, а хор.

Ну, а нам в этот день хорошо было бы подумать о кресте своей собственной жизни. Хочешь, не хочешь, а нести его надо, и потому лучше это делать с терпением и верой в Бога, чем с ропотом и возмущением. Так постепенно в сердце воздвигается крест, как и в праздник, надеждой на Бога и молитвой к Нему: Господи, помилуй!

Примечания:

1. Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993. С. 833.

2. Святитель Димитрий Ростовский. Творения. Т. 1. Поучение второе на Воздвижение Честнаго и Животворящего Креста Господня, месяца сентября в 14 день. СПб., б. г. С. 733.

«Латинское слово «сгух» и греческое «stauros» служили для обозначения особого орудия казни, печальная честь изобретения которого принадлежит не римлянам, а финикийцам и карфагенянам. ..Этот жестокий способ казни, приводящий к медленной, мучительной смерти, начал применяться римлянами примерно со 2-го века до н. э. Столетием позже, разбив восстание Спартака Марк Лициний Красс уставил крестами с распятыми рабами всю дорогу от Капуи до Рима. Будучи триумвиром, Октавиан (впоследствии император Цезарь Август (30 до Р. Х. – 14 по Р. Х.) ввел эту казнь во всеобщее

употребление, распяв одновременно шесть тысяч рабов в Сицилии после подавления бунта, начатого Секстом Помпеем.

Обычная форма приговора судьи в лавровом венке была циничной и краткой: «Ibi ad crucem!» — «Иди на крест!» Распятие именовалось «servile supplicium» — «рабская казнь» и считалось особо позорным и жестоким наказанием...

Как только судья признавал жителя провинции повинным смерти и приговаривал его к «рабской казни», он говорил примерно следующее: «Повесьте его на крест». Затем, при необходимости, он диктовал писцу краткий текст, который вырезался на «titulus» (букв. «надпись») – деревянной доске, укрепляемой поверх креста..., на которой, под руководством писца обученный раб вырезал соответствующие буквы. В некоторых случаях, чтобы было лучше видно издали, прорезанную надпись заполняли красной краской...

Перед совершением казни того, кто был обречен на смерть, зверски избивали. Обнаженного и привязанного за кисти рук к низкой колонне осужденного били различными «орудиями пытки» в зависимости от его социального положения. Римские граждане, по законам Порция и Семпрония, после вынесения смертного приговора наказывались ударами палок и казнились «быстрой смертью» — отсечением головы. Жители провинций и рабы приговаривались к мучительному пригвождению, а накануне казни подвергались бичеванию перед судебным трибуналом плетью, носящими название «флагрум», по латыни «flagrum taxilatum» — «язвящая плеть», которые Оразио определяет как «horribile flagrum» -«бич, наводящий ужас». Плетки «флагрум» делали из двух, трех или одного ремня затвердевшей кожи, причем в концы ремней вплетали деревянные кубики, овечьи кости или свинцовые гирьки. «Язвящие плети» оставляли на теле осужденного бесчисленные рваные раны, гематомы, длинные кровавые синяки, что делало эту жуткую прелюдию к смерти особенно болезненной и ужасной.

После жестокого бичевания, еле живому, исхлестанному по всему телу страдальцу, позволяли одеться, а затем вешали «titulus». В отдельных случаях эту доску с прорезанным на ней именем осужденного (иногда и с причиной осуждения) нес впереди городской глашатай, который громко выкрикивал прохожим подробные сведения относительно вины влекомого на казнь. Если к распятию приговаривали более одного подсудимого, то к месту казни их вели «караваном», обвязывая длинными веревками за шеи и ноги, так что веревки провисали и волочились в пыли. По пути к месту страдания осужденных оскорбляли, били палками и кнутами...

Дерево, из которого делали балки креста, называли приносящим несчастье, зловещим (arbor infelix), а «орудие креста» (machinae crucis) имело несколько

видов. В наибольшем употреблении были: «*crux comissus*» — «крест связанный», и «*crux immissus*» — «крест вбитый».

Одна из самых древних форм распятия: «крест связанный», *patibulata*, или крест трехконечный. Он состоял из двух брусьев, причем поперечный брус накладывался сверху на продольный, укрепленный в земле вертикально, так, что вместе они напоминали греческую букву «тау» или латинское «Т». Эта форма креста, вместе с деревянным столбом, имеющим раздвоение в виде вилки – *furca*, были в употреблении еще у древних египтян и финикийцев. На трех конечном, в виде буквы «Т», собранном из длинной толстой доски (или столба) и короткой перекладины наверху, к которой прибывали (привязывали) руки, распинали людей за сто лет до 30 года н.э. И Красс, распиная побежденных рабов в 71 году до н. э., и Октавиан (Август) совершая массовые казни после 43 года до н. э., повелевали ставить кресты именно такой формы.

«Крест вбитый, или *capitata* – четырехконечный, устанавливался так, что верхушка продольной балки несколько выдавалась над поперечной. Его основанием также служил прямой столб, но перекладина приделывалась ниже верхней части столба, а ад головой распятого могла быть установлена «надпись». В ряде случаев посредине вертикальной балки приделывался небольшой брус или кол, как «седалище». Этим объясняются выражения: «*acuta cruce sedere*» — сидеть на остром кресте, и «*cruce inequitare*» — воссесть на крест.

Каждая часть креста имела свое название: вертикальная часть – *stipes* (ствол), а поперечина — *patibulum* (виселица). Вертикальная часть креста (обработанный ствол дерева), по обыкновению, постоянно находилась на месте исполнения приговора. Это была длинная, прочно установленная балка или бревно, длиной, приблизительно, в 2, 5 метра. После «применения» этот столб могли оставить для «повторного» использования, или заменить на новый. К месту распятия жертва несла перекладину, или «*patibulum*» (виселицу). В тех случаях, когда этого хотел вынесший приговор римский наместник, доска с именем осужденного, еже с добавлением причины смертной казни, укреплялась на вершине вертикального столба одновременно с пригвождением ног...

Распятие, как и прочие казни, проводилось вне городов и селений, на видном месте – на возвышении или при большой дороге. С распинаемого полностью снимали одежду, которая поступала в собственность палачей. Страдания казнимых были ужасны. Из-за неестественного положения тела с простертыми вверх пригвожденными руками малейшее движение, необходимое для жизни, сопровождалось нестерпимой болью... А ведь известно, что несчастные жили на кресте (при привязывании, а не пробитии гвоздями) до нескольких суток, медленно умирая в агонии страданий...

Согласно Tabula Puteolana (Таблицы законов города ПUTEОЛЛЫ- хлебная гавань античной Италии) ...распятие поручалось так называемому «подрядчику», который кроме совершения «рабской казни» заведовал похоронами бедняков за общественный счет. Для исполнения возложенных на него обязательств «подрядчик» (redemptor) содержал не менее 32-х «работников» без физических недостатков в возрасте от 20 до 50 лет, причем имеющих крепкое телосложение. «Работники» (operas) должны были проживать исключительно за городскими стенами. Они входили в город лишь для того, чтобы забрать, а затем за городской стеной предать осужденного смерти, или для того, чтобы вынести и похоронить умерших малоимущих граждан. Указанных «работников» можно было легко отличить от горожан – их обязывали носить раскрашенные шапки...

Если частное лицо (гражданин) обращался к «подрядчику» с просьбой о распятии своего провинившегося раба (женщины или мужчины), то «подрядчик» был обязан предоставить ему всё необходимое для казни: балки, жерди (asserer) , узы, оковы (vincula) веревки (restes) . Частное лицо, в свою очередь, должно было заплатить четыре сестерция, то есть дать деньги для исполнителей бичевания, для носильщиков поперечной перекладки (patibulum) и для палача...

В том случае, если распятие совершалось от лица магистрата по приговору суда должностного лица, имеющего «jus coercitionis» — « право принуждения», то «подрядчик» снабжал гвоздями, смолой, воском, факелами и всем прочим место казни бесплатно. По всей видимости, чтобы сократить расходы на «работников» «подрядчик» заставлял осужденного самого нести поперечную перекладину (patibulum) к месту казни. Особо примечательно, что до второго века н. э. существовало правило pannicularia (букв. одежда), согласно которому часть расходов по распятию оплачивалась «подрядчику» путем передачи в его собственность одеяний осужденного» (Синельников Вячеслав, священник. Христос и образ первого века. М., 2003. С. 148-164).

3. Преподобный Симеон Новый Богослов. Слова. Т. 1. Слово 1. М., 1892. С. 24.

Ср. у блаженного Феофилакта (+ок. 1107):

«Ибо воины делали с Ним достойное их, будучи людьми безумными: они одели Его в хламиду вместо порфиры, как бы царя; венец вместо диадемы; и, насмехаясь над Ним, чествовали Его, ибо преклонение колен, есть символ оказывания чести. Смотри, как всякий вид поношения они прошли: лицо позоря через заплевание, главу – через венец, руки – через трость, остальное тело – через хламиду, уши – через хульные слова. Хотя всё, что ни делали, они делали в поругание Христу, однако вместе с тем ты разумей и так, что всё это

Самим Иисусом совершенно было и в более таинственном смысле: ибо багряная хламида означала природу нашу, которую, в то время, как она была обогрета кровью и склона к убийству, Он воспринял и освятил, облекшись в неё; венец из терния означал грехи, проистекшие из житейских попечений, — грехи, которые Христос потребляет Своим Божеством, — ибо Божество и означает через главу Его; трость есть образ нашей немощной и тленной плоти, которую воспринял Господь, как и Давид говорит: «Десница Господня вознесла меня» (Пс. 117, 16); через принятие хулений в Свои уши Господь избавил нас от змиева шептания, вошедшего через уши Евы...Примечай, пожалуй, и то, как посредством прободенного ребра врачует рана ребра, то есть Евы. Там Адам, уснув, лишился ребра, а здесь Господь, уснув, дает ребро воину. Копие воина есть образ меча, обращающегося и выгоняющего нас из рая (Быт. 3, 24)» (Блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский. Благовестник. Толкование на святыя Евангелия. СПб., б. г. С. 168, 745).

О тайне Креста вдохновенно размышляет и святитель Григорий Богослов (+389):

«Кому и для чего пролита сия излишняя за нас кровь — кровь великая и преславная Бога и Архиерея и Жертвы? Мы были во власти лукавого, проданные под грех и сластолюбием купившие себе повреждение. А если цена искупления дается не иному кому, как содержащему во власти; спрашиваю: кому и по какой причине принесена такая цена? Если лукавому; то как сие оскорбительно! А если Отцу, то, во-первых, каким образом? Не у Него мы были в плену. А во — вторых, по какой причине кровь Единородного приятна Отцу, Который не принял и Исаака, приносимого отцом, но заменил жервоприношение, вместо словесной жертвы дав овна? Или из сего видно, что приемлет Отец, не потому что требовал или имел нужду, но по домостроительству и потому, что человеку нужно было освятиться человечеством Бога, чтобы Он Сам избавил нас, преодолев мучителя силою, и возвел нас к Себе через Сына посредствующего и всё устрояющего в честь Отца, Которому оказывается Он во всем покорствующим? Таковы дела Христовы; а большее дв почтено будет молчанием» (Святитель Григорий Богослов. Творения. Т. 1. Слово 45, на святуя Пасху. СПб., б. г. С. 675-676).

«Крест, — поясняет эту мысль св. Григория епископ Александр Семенов — Тянь-Шанский, — необходим не для утоления Божией Правды, но для оживления человеческой природы, пораженной грехом и смертью. Человек, умирая во Христе, получает от Него новую жизнь, подлинную и вечную. Во Христе смерть побеждена смертью, и в этом — тайна Креста: « для Иудеев соблазн, а для эллинов безумие» (1 Кор. 1, 23) (Александр (Семенов-Тянь-Шанский), епископ. Православный Катихизис. Париж, 1981. С. 43-44).

4. Святой Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной веры. Книга 4. Глава 11. О кресте и еще о вере. Полное собрание творений. Т. 1. СПб., 1913. С. 306 – 307.

5. Приведем эту замечательную цитату полностью:

« Бог есть любовь, и св. Крест есть не что иное, как любовь Божия. Крестная любовь. Сила, огонь и природа любви в её крестности, и любовь не бывает некрестной. Крест есть жертвенность любви, ибо любовь и есть жертвенность, самоотдача, самоотречение, вольное истощание ради любимого. Вне жертвы нет и приятя, нет встречи, нет жизни в другом и для другого; нет иного блаженства любви, как в самоистощании жертвенном, которое награждается ответным исполнением. Крест есть взаимность любви, но она и есть взаимность. Нет иного пути любви, её ведения мудрости, кроме как крестного.

Пресвятая Троица есть предвечная крестность, как жертвенная взаимность Трех, единая жизнь, порождаемая самоотдачей, тройственным самоотречением, расплавлением в божественном океане жертвенной любви. Трисоставный крест носит знамение Пресвятой Троицы. Почему это так? В кресте пересекаются три встречных линии, они идут друг ко другу из трех разных точек, но, пересекаясь, становятся вооедино в сердце креста, в его пресечении. Так в Св. Троице божественная жизнь Триединства есть вечная встреча, взаимность в самоотдании и себя обретении каждой в других ипостасях. Для любви нет границ и пределов, нет их и для жертвенности. Самоистощаясь воскресать в другом, — таково блаженство любви. Кто любит, тот любит и крест, ибо крестна любовь. И сущая любовь – Бог в Кресте Предвечном – самоотвергается ради любви своей. Три точки, определяющие линии креста, суть образы Трех Божественных Ипостасей, в себе сущих, и точка их пересечения есть единая жизнь Трех, Троица во Единице в крестной взаимности.

И блаженство божественной любви есть жертвенное блаженство креста, и её сила есть крестная. И если мир создан любовью, то не иною силою, как силой крестной. Бог – Любовь творит его новым подъятием креста в откровении любви Своей к твари. Творя мир всемогуществом, Творец дает в нем место для тварной свободы, как бы Себя умаляя, ограничивая Свое всемогущество в пользу тварности, для неё истощается. Мир создан крестом любви Божией к твари. Но создавая мир крестом, Бог в предвечном совете определил крестом же спасти его от него самого, от гибели в его тварности. Бог так возлюбил мир, что предвечно отдал Сына Единородного на крестную жертву ради спасения мира, воззвал его к пакибытию крестною смертью и воскресением» (Булгаков Сергей, протоиерей. Сила крестная. На Воздвижение Креста Господня. Слова, беседы, поучения. Париж, 1987. С. 18, 21.

6. Сергей (Спасский), архиепископ. Полный месяцеслов Востока. Т. 3. Репринт. М., 1997. С. 373-374.

7. Православная богословская энциклопедия. Т. 3. СПб., 1902. С. 671-672.

8. «В памятниках русской Церкви упоминание об обряде Воздвижения встречается уже в 13-м веке. Так, в ответ на вопрос: можно ли совершать воздвижение креста игумену, если нет епископа, патриарший собор 1276 г. — замечает — сего не возбраняют каноны св. Феодора Студийского (+826). Из 21-го ответа Нифонта видно далее, что оно производилось на Руси не только игуменами, но и простыми священниками... Не много позднее, — в памятниках 15-го века, встречается и самое описание обряда воздвижения. Как и теперь, вынос креста совершался после великого славословия при пении «Святой Боже», через северные двери при преднесении двух лампад. У царских врат священник или диакон, если служил, произносил: «Премудрость, прости»; клир отвечал на это пением тропаря: «Спаси, Господи». Священник шел затем к аналою, поставленному на середине храма, клал на него святой крест и, если Воздвижение приходилось в субботу или воскресенье, то совершал трижды поклонение. Потом священник брал в руки крест «с царским веием» и совершал воздвижение на восток, юг, запад, север и снова на восток. При этом произносились те же, что и теперь прошения. В том же порядке совершалось воздвижение креста и в 16-м веке... Современный чин воздвижения совпадает с вышеизложенным 15-16 вв. Всё различие состоит в том, что, воздвигая крест во второй раз, священник стоит лицом к западу, а не к югу; к югу он обращается при третьем воздвижении. Несколько изменилось и предписание о троекратном поклонении кресту: в настоящее время оно совершается всегда, на какой бы день ни падал праздник» (Там же. С. 674-675).